

Брасл., Абруб, Чарневічы Глыб.) [2, с. 172]; **прыжунюўка**: *Прыжунюўкай ідзі паграбай* (Плаўнік Чаш.) [2, с. 188]; **сабка**: *Прынясі мне сабку з гумна* (Галбея Паст.) [2, с. 271]; **спатыкач**: *Я спатыкачом усю бульбу прайшла – ні травінкі* (Папоўка Сен.) [2, с. 274] і інш.

Вельмі часта ў працэсе сельскагаспадарчай дзейнасці селянін выкарыстоўвае граблі. Гэта прылада для зграбання сена ці саломы. У ранейшыя часы беларусы працавалі з граблямі таксама ў час малацёбы на таку для выграбання каласкоў, цёртай саломы з зерневай кучы. Намі выяўлена і прааналізавана некалькі рэгіянальных найменняў, якія маюць значэнне 'прылада для зграбання чго-небудзь, граблі'. Напрыклад: **аграблі**: *Ну куды ж аграблі ставіш, як дадуць па лбе, дык дзясятаму закажыш* (Шупені Тал., Капланы Сен., Занькі Леп., Кугоні, Лутава Сяльцо, Слабада Уш.) [1, с. 33]; **бібікі**: *Бацька рабіў бібікі і сабе, і людзям* (Мікалаева, Турчына Міёр.) [1, с. 83]; **грабы (грабалкі, грабелі, грабалья)**: *Забыўся грабы на полі* (Казяны Брасл.) [1, с. 160]; **загрэбля**: *Загрэбля стаіць там жа за стогам* (Чашнікі) [1, с. 200]. Назоўнікі **аграблі – грабы – загрэбля** матывуюцца дзеясловам *грэбі* 'збіраць у адно месца, зграбаць'.

Ніводная сялянская гаспадарка не абыходзіцца без такой прылады працы, як вілы. Гэта ручная прылада для падняцця і пераносу снапоў, сена ці саломы. У мінулыя часы драўляныя вілы выкарыстоўваліся ў сялянскіх гаспадарках пры сціртванні снапоў і саломы, стагаванні сена, а металічныя – для вытрасання саломы ў час малацёбы і прыгатавання трасянікі. Напрыклад, **бяльмог** 'вілы': *Хутчэй хапай бяльмог і бяжы складаць сена* (Турчына, Мікалаева Міёр.) [1, с. 107]; **варголы** 'т.с.': *Не бяры поўныя варголы сена а то цяжка* (Мярэцкія Глыб) [2, с. 116].

Падчас капання, расчысткі ці пераносу зямлі селянін спрадвеку карыстаецца рыдлёўкай, якая ўяўляе сабой шырокі плоскі клінок, насаджаны на дзяржальню. Са значэннем 'рыдлёўка' ў гаворках Віцебшчыны выкарыстоўваюцца такія словы, як **жалязняк**: *Капаў яму жалезняком* (Падрэзы Чаш.) [1, с. 191]; **збступ**: *Павастры збступ* (Крынкі Лёзн.) [1, с. 209]; **капатка**: *Раньшы бульбу толькі капаткай капалі, а сёчас спіцыяльную цехніку прідумалі* (Сураж Віц.) [1, с. 239]; **мянтўшка**: *Мама заўсёды мянтўшкай капае бульбу* (Каралёва Шарк.) [2, с. 27]; **рыдзень**: *Узяўшы рыдзень, я патроху пайшла ў сторуна поля* (Стаі Леп.) [2, с. 235].

Заклучэнне. Такім чынам, прааналізаваныя намінацыі – гэта пераважна культурна маркіраваныя моўныя адзінкі, якія нясуць у сваёй семантыцы цікавую інфармацыю пра гісторыю, культуру і асноўныя віды сельскагаспадарчай дзейнасці носьбітаў віцебскіх гаворак. Лексічныя адзінкі, якія служаць у народна-дыялектнай мове Віцебшчыны для абазначэння сельскагаспадарчых прылад працы, дэманструюць у сваёй семантыцы назіральнасць і спрактыкаванасць беларусаў, выяўляюць чалавека як умельца і майстра сваёй справы.

1. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны : у 2 ч. / Л. І. Злобін (рэд.) [і інш.]. – Віцебск: УА "ВДУ імя П.М.Машэрава", 2012. – Ч. 1. – 304 с.

2. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны : у 2 ч. / склад. : Г. К. Семанькова, Т. А. Грачыха, А. С. Дзядова [і інш.] ; пад рэд. А.С. Дзядовой. –Віцебск : ВДУ імя П.М.Машэрава, 2014. – Ч. 2. – 358 с.

СОЦИАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЛИРИКИ К. БУЙЛО: МЕЖЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «НА АДНОЎЛЕНАЙ ЗЯМЛІ»)

Куликова К.В.,

студентка 4 курса БГУ, г. Минск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Локтевич Е.В., старший преподаватель

Лирика К. Буйло – явление малоизученное в литературоведении, несмотря на то что первые стихотворения поэта были высоко оценены Я. Купалой [5, с. 59].

Некоторые стороны образного строя стихотворений К. Буйло, оригинальности стиля, особой чувственности лирического героя, своеобразия творческого метода рассматривались в статье Д. Бичель [5]. В работе А. Бельского проанализирована индивидуально-авторская интерпретация образа *земля* [4, с. 6]. В диссертационном исследовании И.С. Криштоп [2] специфика творчества поэта осмысливается в контексте диалога белорусской и американской литератур.

Научный интерес к лирике К. Буйло определяется значимостью философско-эстетических идей автора, разнообразием образов, тем и мотивов, презентующих проявления

чувства любви к родному краю. Сравнивая творчество К. Буйло и американского поэта Э. Миллей, И.С. Криштоп пишет: «Сопоставление позволит лучше понять сходства и различия культурных структур славянской и иностранной культур» [1, с. 176]. А. Бельский также обращает внимание на индивидуальность реализации темы *родной земли* в лирике К. Буйло и сопоставляет творчество поэта с лирикой А. Ахматовой. Литературовед подчеркивает, что «феномен земли» в русской и белорусской поэзии – это то, что делает творчество К. Буйло и А. Ахматовой родственными «у ідэйна-эстэтычным плане» [4, с. 28].

Актуальность нашего исследования определяется отсутствием научного осмысления социальной направленности и связанности тем и мотивов лирики К. Буйло, систематизации особенностей образов, реализованных в связи с этими темами и мотивами. Кроме того, социокультурные основы стихотворений белорусского автора не рассматривались в межлитературном контексте.

Целью нашей статьи является интерпретация социальной направленности тематического и мотивного уровней лирики К. Буйло в контексте творческих связей белорусской и русской литератур.

Материал и методы. Материалом исследования послужил сборник «На адноўленай зямлі». В процессе анализа применялись сравнительно-сопоставительный, культурно-исторический, герменевтический, системно-субъектный, мотивный, структурно-семиотический, социокультурный методы исследования.

Результаты и их обсуждение. *Фольклорные мотивы*, выявленные в лирике К. Буйло, характеризуются социальной обусловленностью. Достижения синкретической эпохи задействованы поэтом для актуализации социальных проблем, для диалога с определенной читательской аудиторией. Стихотворения сборника часто носят *песенный характер*: «Коціць хвалі сіні Дон / Між палёў і між лугоў» [6, с. 30], «Я паціху пяю... Толькі веру, мяне ты пачуеш» [6, с. 3]. Лирический герой поэзии К. Буйло неоднократно вступает в диалогические отношения с Беларусью как самостоятельным субъектом сознания: «Маці, родная, любая! Ты наша родная маці» [6, с. 3]. Подобный песенный характер лирики свойствен многим русским и белорусским поэтам: А. Ахматовой («Так молюсь за Твоей литургией / После стольких томительных дней, / Чтобы туча над темной Россией / Стала облаком в славе лучей» [9]), Тётке («Я зайграла б песенью матак / Над калыскаю дзіцяці. / Ўсе багацтвы с родных хатак / Я хацела б песні даці» [8]) и др.

Характерной чертой лирики К. Буйло является *символическая презентация* чувств лирического героя через образы «пшеницы», «жыта» и «хлеба». В стихотворении «Вясна» субъект сознания сливается с образом *воды* с целью *самопожертвования* ради лучшей доли народа: «Я напаю цябе дасыта, / Ты дай мне только вольны ход. / Няхай расце пшаніца, жыта, / Каб многа хлеба меў народ» [6, с. 8]. Подобное сравнение присутствует и в поэзии А. Барковой: «Я – зерно гниющее, с страданьем / На заклянье я иду» [3, с. 45]. Мотив *самопожертвования* часто связан у К. Буйло с темой *избранничества* поэта: «...Што сэрца агон, думак крылатых свабоду / Ўліўшы ў песні свае, / Аддам іх Радзіме, аддам іх народу, / Няхай іх у шчасце пье!» [6, с. 13].

Специфическим способом выражения чувств в творчестве К. Буйло становится использование семантики *годового цикла*. В стихотворениях «Вясна», «Летам», «Восень» получают визуальное воплощение образы белорусской земли, детально воссозданные субъектом сознания лирики поэта. Например, образ *осени* воспринимается лирическим героем как тихий и заслуженный отдых: «Працавала ўлетку я з ахвотай, / Час прыйшоў спачыць мне ад работы» [6, с. 65]. Для К. Буйло *весна* символизирует расцвет романтических чувств: «Не! Вочы зорна свецяцца твае... / А свежы вецер студзіць нашы губы... / Якое шчасце нам вясна дае, / Вясна юнацтва, маладосці, любы» [6, с. 9]. Для создания образа белорусской красавицы поэт выбирает образ *лета*: «Тварык сонейкам асмужан, / Косы кінуты на спіну, / На прычале мокры кужаль / У ваду кладзе дзяўчына» [6, с. 17]. Примечательно, что тема *красоты* в сознании лирического героя неотделима от темы *труда*, что проявлено в стихотворении «Летам».

Мотив белорусской *доли* в творчестве К. Буйло имеет положительную коннотацию: «...Як цвіце наша доля, як свеціцца сонечна, ясна. / Мы кавалі яе. Наша доля – працоўных рук справа» [6, с. 3]. Это восприятие *белорусской доли* отличается от ее интерпретации другими белорусскими поэтами. Например, Тётка взывает: «Гдзе ж ты, мая доля, / Гдзе ж ты захавалась, / Без цябе няволя / і бяды засталась» [11, с. 68]. Позитивная презентация *доли* в лирике К. Буйло,

безусловно, социально обусловлена: субъект сознания желает объединить народ через *веру* в то, что *судьба* белоруса – «сонечная» и «ясная».

Дружба в понимании К. Буйло – стимул, который побуждает трудиться на благо родной земли. Отчетливо прослеживается этот мотив в стихотворении «Сябрам», где субъект сознания, обращаясь к друзьям, пишет: «... Яна [дружба] мне – як подых натхення у працы» [6, с. 13].

Образ *белорусской девушки* реализуется через мотив *красоты* Беларуси и соотносится с национальным характером (особая красота девушки определяется ее принадлежностью родному краю): «Ўся яна, як кветка ў росах, / Беларуская дзяўчына» [6, с. 17].

Субъект сознания лирики К. Буйло вступает в явные или завуалированные (через реминисценции или типологические сходжения) *диалогические отношения* со многими поэтами: Тёткой, Я. Купалой, М. Богдановичем, З. Гиппиус, М. Цветаевой, А. Ахматовой, А. Барковой и др. Например, Я. Купале поэт посвятила следующие трогательные поэтические строки: «З дзен дзяцінства да старасці год / Нас гарачая дружба з'яднала. / І ў шчасці, і ў суме нягод / У твой дом я прыхожду, Купала» [6, с. 19].

С М. Богдановичем и З. Гиппиус возникает коммуникативное взаимодействие через общие образы-символы «*ткачиха*», «*шивея*», «*ткань*», «*цветы*». В стихотворениях «Ткачиха» (К. Буйло), «Слущкія ткачыхі» (М. Богдановича) и «Швея» (З. Гиппиус) прослеживается целый ряд типологических сходжений. У М. Богдановича и К. Буйло эти образы несут положительную семантику и имеют социальный контекст, тогда как у З. Гиппиус *шивея* в своей работе видит лишь отражение чувственной сферы, что демонстрирует неохристианские воззрения русского поэта: «Любовь – лишь звук... Но в этот поздний час / Того, что дальше, – не открою. / Нет, не огонь, не кровь... а лишь атлас / Скрипит под робкою рукою» [7, с. 71].

Тема *молодости* также характеризуется в лирике К. Буйло социальной обусловленностью. *Молодость* – один из способов служения родине, возможность совершенствования родного языка. *Молодость* для К. Буйло – это «сіла, якая бурліць» [6, с. 20].

Тема *любви* раскрыта К. Буйло посредством фольклорных образов: «Аб каханні маім заспявала вясна / Ручайком на лагу гаманлівым. / Падхапіла той спеў залатая сасна. / Як дзівоснае нейкае дзіва» [6, с. 52]. В специфике выражения любовного чувства К. Буйло солидаризуется с В. Тушновой: «А я без тебя / как лодка без весел, / как птица без крыльев, / как растение без корня» [10, с. 253].

Заключение. Таким образом, социальная направленность лирики К. Буйло является актуальным проблемным полем для дальнейших исследований. Плодотворным, по нашему мнению, будет изучение динамики социального наполнения тем и мотивов в контексте творческой эволюции белорусского поэта, в связи с лирикой других национальных литератур.

1. Криштоп, И. С. Пейзажная лирика в творчестве Э. Миллей и К. Буйло // Актуальные проблемы компаративистики: сб. материалов, / Брест. гос. ун-т имени А. С. Пушкина; под общ. ред. Е. Г. Кивака; редкол. : С. А. Королевич, С. Ф. Бут-Гусаим, Т. Ф. Кабот. – Брест : БрГУ имени А. С. Пушкина, 2010. – С 176-179.

2. Крыштоп, І. С. Неарамантычныя матывы ў лірыцы Эдны Мілей і Канстанцыі Буйло: вопыт параўнальнага аналізу : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.01.01 / І. С. Крыштоп; Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт. – Мінск, 2017. – 24 с. .

3. Баркова, А. А. Возвращение : Стихотворения / А. А. Баркова. – Иваново : «Рабочий край», 1990. – 196 с.

4. Бельскі, А. Родная зямля ў духоўным свеце Канстанцыі Буйло і Ганны Ахматавай // Міфалогія – фальклор – літаратура : праблемы паэтыкі : зб. навук. прац. Вып. 5 : да 100-годдзя з дня нараджэння М.Р. Ларчанкі (1907-1981) / склад. Т. І. Шамякіна ; пад агул. рэд. В. П. Рагойшы. – Мінск : БДУ, 2007. – С. 26-32.

5. Бічэль, Д. Давайце вернемся ў гэтую песню // Наша вера. – 2013. – № 1. – С. 59-61.

6. Буйла, К. А. На адноўленай зямлі / К. А. Буйла. – Мн. : Маст. літ., 1961. – 66 с.

7. Гиппиус, З. Н. Стихотворения ; Живые лица. / З. Н. Гиппиус ; вступ. статья, сост., подгот. текста, коммент. Н. Богомолова. – М. : Худож. лит., 1991. – 471 с. – (Забывтая книга).

8. Родныя вобразы [Электронны ресурс]. – Режим доступу: <http://rv-blr.com/verse/show/58753>. – Дата доступу: 08.09.2018

9. Русские поэты [Электронный ресурс]. – Режим доступу: <https://rupoets.ru/anna-axmatova-molitva.html>. – Дата доступу: 08.09.2018

10. Тушнова, В. М. Не отрекаются любя : Стихи / В. М. Тушнова. – М. : ЭКСМО-Пресс, 1999. – 336 с. (Серия «Домашняя библиотека поэзии»)

11. Цётка. Творы / Цётка. – Мн. : Маст. літ., 1976. – 306 с.